

в тому числі й із застосуванням зброї, як це було ще недавно в Англії, Франції, Сполучених Штатах Америки й інших полікультурних суспільствах. А оскільки в основі етностереотипів лежать, як слушно зазначав К.Юнг, «архетипічні форми, які ґрунтуються на інстинктах і виражають їх» [13, с.83], вони рідко усвідомлюються їхніми носіями, бо притаманні самій «психе» (К.Юнг) представників кожного етносу. Саме тому вони найменше піддаються виявленню у повсякденному міжкультурному спілкуванні, а отже, – попередженню соціальних конфліктів на етнічному ґрунті.

Висновки

«Інстинкт самозбереження» спонукає як представників домінуючих етносів, так і іммігрантів – представників інших етносів виробляти у спільному життєвому просторі загальні для всіх нові культурні форми, які б якщо не зближували різні етнокультурні поля, то принаймні сприяли їхньому співіснуванню на засадах взаємної поваги до культурних особливостей кожного етносу. Але при цьому не повинно бути *нарочитої демонстрації* власної самобутності, а тим більше – етно-національної зверхності з боку будь-якої культури. Виробленню спільних культурних форм може сприяти формування мовних засобів, які б репрезентували загальнолюдські принципи співжиття людей, які належать до різних етносів. Така можливість актуалізується в умовах комп'ютеризації всіх сфер соціального буття, коли в процесі комунікації все більше використовуються штучна мова Інтернету, в просторі якого складаються досить усталені групи комунікантів, які, своєю чергою, виробляють специфічну мову спілкування у своєму більш вузькому віртуальному середовищі. Взаємне перехрещення цих просторів усуває ті етнокультурні перешкоди, які заважають нормальній комунікації. Так поступово формуються соціокультурні *традиції* комунікації, спільні для полікультурного

середовища. І не лише лінгвокультурні, але й моральні, естетичні, побутові тощо. Важливу позитивну роль у міжкультурній комунікації багатокультурних суспільств можуть відігравати мас-медіа, які мають акцентувати увагу не на розбіжностях і суперечностях етнічних культур, а на гуманістичних аспектах різних етнокультурних форм, які співіснують у певному соціумі.

Список літератури

1. Крымский С.: Мудрецы всегда в меньшинстве. (Статьи разных лет)/С. Крымский. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 400 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М.: Логос, 2004. – 368 с. / И. Валлерстайн.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2007. – 571 с.
4. Хабермас Ю. Политические работы. / Ю. Хабермас. – М.: Практика, 2005. – 368 с.
5. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2003. – 474 с.
6. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. / Н.Л. Полякова. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
7. Визгин В.П. Ментальность: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / В.П. Визгин./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С.Степин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч. секр. А.П.Огурцов. – Т. 2. – М.: Мысль, 2001. – С.525-526.
8. В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Крымський С.Б. Цивілізаційний розвиток людства. – К.: Фенікс, 2007. – 316 с. / С.Б.Крымський, Ю.В.Павленко.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
11. Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности / А.В. Перцев. // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С.29-50.
12. Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л.П. Крысин. // Там же. – С.450-455.
13. Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный объединяющий принцип / К.Г.Юнг. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2010. – 347 с.

Л.Г. Дротянко

МЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена философской рецепции места и роли этнического менталитета в процессе межкультурной коммуникации людей, образующих поликультурное пространство своего социального бытия в условиях глобализации.

L. Drotynko

MENTAL ASPECT OF COMMUNICATION IN POLY CULTURAL CONDITIONS OF GLOBALIZATION

The article is dedicated to the philosophical reception of a place and role of mentality in the process of intercultural communication of people, who form their social polycultural environment of being conditioned by globalization.

УДК 17.023.2(043)

Т. Купш

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ЛЕКЦИЙ ИММАНУИЛА КАНТА О МОРАЛИ И РЕЛИГИИ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ КШИШТОФА ЦЕЛЕСТИНА МРОНГОВИУША

Гуманитарный факультет Университета Николая Коперника

В статье исследуется первое издание лекций И.Канта о морали и религии в польском переводе Кшиштофа Целестина Мронговиуша.

Введение

В предисловии к «Критике практического разума» Кант делится некоторыми опасениями относительно понимания его работ широкой публикой. Опасения были оправданы, их подкрепляли претен-

зии относительно якобы непонятного языка и новой терминологии работ Канта, которые выдвигали приверженцы так называемой популярной философии. Кант ясно заявляет, что не принимает обвинения в якобы «новом языке» своих работ, так как проблема, которой касается книга, в достаточной

степени популярна. Он не считает также, что искусственно создает несуществующие в языке термины, тем более, не утверждает, что философии необходимы новые слова. „Ich besorge in Ansehung dieser Abhandlung nichts von dem Vorwurfe, eine neue Sprache einführen zu wollen, – читаем в «Критике практического разума» – weil die Erkenntnißart sich hier von selbst der Popularität nähert.” [1,10].

Лекции Канта, касающиеся философии морали служат ярким примером упомянутой осторожности философа, когда речь идет о подборе соответствующих терминов или попыток дать определения значений главных понятий. Лекции, построенные как комментарии к латинскому компендиуму, были записаны слушателями Канта и в течение многих лет функционировали в виде многократно переписываемых копий. Первое издание обширных фрагментов лекций о морали было сделано не на языке оригинала, а увидело свет в переводе на польский язык. Автором изданного в 1854 году в Данциге перевода был лютеранский проповедник Кшиштоф Целестин Мронговиуш.

Основная часть

1. Биографическая справка

Кшиштоф Целестин Мронговиуш родился 19 июля 1764 года в Ольштынке (нем. Гогенштейн), он был вторым ребенком в семье Бартоломео Мронговиуша (1730–1800) и Юлианы Эстер, в девичестве Вебер (1734–1804). Бартоломео Мронговиуш был в это время пастором, а также занимал должность ректора местной приходской школы, эти должности ему позволяло занимать образование, которое он получил сначала в гимназии, а затем в университете в Кёнигсберге. Первоначальную фамилию, звучащую как «Мронга» отец Кшиштофа Целестина заменил со временем, уже в XVII веке, проживая в Пруссии, на латинизированную форму «Мронговиуш». Обучение Кшиштоф Целестин начал в провинциальной школе в Залева (нем. Заальфельде), недалеко от города Моронга (нем. Морунген) которую в 1777–1780 годы посещал вместе с младшим братом Карлом. Школа в Заальфельде, начиная с XVI века, находилась под патронатом Кёнигсбергского университета и готовила будущих теологов и чиновников.

После трёх лет начального обучения Кшиштоф Целестин отправился в Кёнигсберг, видимо, так же, как ранее сделал его отец. Это было необходимо, так как большинство евангелистов, проживающих на юге Восточной Пруссии, так называемые мазуры, говорили по-польски и многие из них вообще не знали немецкого языка. Во времена учебы Мронговиуша польскому языку обучали в Кёнигсберге в евангелистской школе при приходском соборе Св. Николая, во многих частных школах, а также в польской католической школе при приходском соборе, которую содержали иезуиты. Кроме того, в «Фридрихс-Коллегиум» (Collegium Fridericianum) и в Университете был специальный курс польского языка, а с 1728 года действовала Польская Семинария (существующая поначалу неофициально, по частной инициативе студентов), где готовили польскоязычных евангелистских теологов.

После двухлетнего обучения в гимназическом классе кафедральной школы и успешной сдаче экзаменов, в возрасте восемнадцати лет, 21 марта 1781 года Кшиштоф Целестин Мронговиуш был зачислен в университет Кёнигсберга как „studiosus theologiae”. Запись в перечне студентов 1781 года звучит: „Mrongovius Christoph. Coelestin., Hohenst[ein], Boruss.”.

Дата зачисления заслуживает особого внимания. Из неё следует, что Мронговиуш начинает учебу в Альбертине (Кёнигсбергском университете) в период, на который приходится время наибольшей творческой активности Иммануила Канта. Обучение, прерываемое необходимостью давать уроки, Мронговиуш продолжает восемь лет. Особенно углубленно он занимается теологией и философией, слушая, среди прочих, и лекции Канта.

Во время обучения он основательно овладел литературным польским языком, знал русский и чешский, а также освоил греческий, латынь, древнееврейский, французский и английский. Завершив университетское обучение, в 1790 году он начал работать учителем польского и греческого языков в Collegium Fridericianum (и одновременно в кафедральной школе в Кнапаве (Кнайпхоф), в качестве так называемого „Schulkollege”. Отсутствие необходимых учебных пособий для преподавания польского языка подвигло его на написание собственного учебника, первое издание которого отпечатано в типографии Даниеля Кшиштофа Кантера уже в 1794 году.

В 1797 году Мронговиуш покидает Кёнигсберг и поселяется в Данциге (ныне Гданьск, Польша), где занимает должность преподавателя польского языка в Академической Гимназии, а после исполнения предусмотренных правом формальностей, становится пастором в евангелистском приходе при костеле Св. Анны. С этих пор его жизнь постоянно связана с Данцигом, хотя в 1806 году имел место случай, который вполне мог привести к смене жительства. Тадеуш Чацкий обратился к Мронговиушу с предложением занять место профессора греческого языка и библиотекаря в Кременецкой Гимназии. Сохранившаяся переписка показывает живой интерес последнего к этому предложению, но намерение о переезде не осуществилось по причинам, скорее не зависящим от Мронговиуша.

7 апреля 1742 года Мронговиуш пишет Фридриху Вильгельму IV прекрасное и мудрое письмо, в котором обосновывает необходимость пропаганды изучения польского языка среди поляков, живущих в Пруссии, используя как аргумент тот факт, что в противном случае, эти люди, слабо знающие немецкий язык, не смогут активно участвовать в богослужении.

На склоне лет Мронговиуш вернулся к переводческой деятельности. Опубликовал переводы трудов Ксенофонта, Теофраста, Эпиктета, Гомера. Известно, что он работал над переводом «Федона» Платона, но этот перевод не сохранился. Наконец, за год до смерти, он опубликовал уникальный перевод лекций Канта о религии и морали, который будет предметом нашего рассмотрения.

Мронговиуш умер через год после публикации *Rozprawy filozoficznej...*, 3 июля в Данциге.

2. *Rozprawa filozoficzna o religii i moralności...* в польской философской литературе

Польская философская литература представляет всего лишь несколько сомнительной достоверности сведений о значении издания Мронговиуша в восприятии философии Канта. В них повторяется убеждение, что переводчик и издатель должен был каким-то образом находиться под влиянием личности своего мастера. Об этом говорят малочисленные свидетельства самого Мронговиуша, рассеянные в его работах. Так, например, в предисловии к первому изданию польско-немецкого словаря, имеется характерное замечание, в котором, объясняя свои собственные старания по популяризации идеи изучения польского языка, Мронговиуш ссылается на Канта как защитника этнических языков: «Высоконравственный, уважающий святое право человека, философ Кант написал к этой [работе] поясняющее предисловие». («Der streng tugendhafte, die heiligen Rechte der Menschheit ehrende Philosoph Kant schrieb eine lehrreiche Vorrede dazu») [2, VI]. Здесь Мронговиуш ссылается на предисловие, написанное Кантом к: *Lithauisches Wörterbuch* Мелке, издания. 1800 г. [3, с. 90].

Историю перевода и издания интересующей нас работы кратко, но вполне исчерпывающе, объясняет в предисловии сам переводчик:

«Во времена правления Фридриха Великого, короля Пруссии, в Кёнигсберге жил уважаемый Иммануил Кант, профессор философии, который академической молодежи читал лекции, между прочими и о естественной религии и морали. Его лекции некоторыми слушателями записывались на слух. Из этих скорописей сложилась небольшая книжечка, которую я сейчас, переложив на польский, дарю уважаемой Публике как драгоценное сокровище» [4, III].

Возвращаясь к упоминаниям, которые встречаются в польской литературе на тему *Rozprawy filozoficznej...*, постараясь первоначально верифицировать содержащиеся в них ошибочные гипотезы. В короткой заметке в *Encyklopedii Orgelbranda* (1900 г., том 10), посвященной Мронговиушу, говорится о *Rozprawie filozoficznej...* и при этом приводится название «Наука Канта о религии и морали». За названием после значительного пропуска указывается: «выполненная переложением Мронговиуша». Поэтому, читая эту заметку, можно придти к неверному выводу, что Мронговиуш является автором не перевода, а работы на тему философской трактовки Кантом религии и морали. Эта ошибка возникает из-за не полностью данного длинного названия текста, если бы он был приведен полностью, была бы исключена любая ошибочная интерпретация.

Несколько более обширная информация на тему *Rozprawy filozoficznej...* была опубликована Петром Хмеловским (Piotr Chmielowski) в *Przeglądzie Filozoficznym* за 1904 год. Она содержит специфическую гипотезу, касающуюся генезиса перевода. Приведем содержание этой заметки полностью:

«До сих пор не выяснено, с какого именно текста был сделан перевод, так как среди опубликованных трудов Канта имеются работы, близкие по содержанию к данной „Rozprawie“, но нет совершенно

идентичной. Переводчик обозначил только, что у него находились «скорописи», то есть записи лекций Канта об этом предмете, и он сделал перевод на их основе, но не поясняет, ни кто эти «скорописи» делал, ни то, были ли они когда-либо опубликованы на немецком языке. На этом основании я осмеливаюсь сделать предположение, которое, быть может, со временем удастся четко обосновать. Переводчиком этой работы был имеющий большие заслуги на ниве польского просвещения в Пруссии лютеранский проповедник Целестин Мронговиуш, составитель песенников, грамматик, словарей, напечатанных в Кёнигсберге или Данциге. Он родился на Поморье в 1764 году, поэтому мог 20-летним юношей слушать лекции Канта о религии и морали (и это в наилучшие годы его профессуры, после издания «Критики чистого разума» и «Пролегоменов») и мог делать «скорописи» сам. Потом перевел их на польский язык для собственной надобности, и, желая, чтобы они не пропали, чтобы послужили другим для науки, уже 90-летним старцем опубликовал их печатным способом в 1854 году, то есть за год перед своей смертью. Если бы удалось документально подтвердить, что Мронговиуш действительно был слушателем Канта, и если бы оказалось, что лекции Канта о религии и морали не были до сих пор напечатаны по-немецки на основе чьих-либо записей, то оказалось бы, что исключительно польская литература сохранила для немецкой частицу наследия великого философа. Язык перевода в целом чистый, только пестрит неологизмами, такими как: «злорадство», «человеколюбие», «безназорность» и т.п.» [5, с. 382, с. 383], [См.6].

Хмеловский справедливо замечает, что публикация Мронговиуша не является точным переводом ни одного из известных трудов Канта. Этот интеллектуал, многое сделавший для распространения кантианства, автор первого перевода на польский язык «Критики чистого разума», не обратился, к сожалению, к изданию лекций по философии религии, опубликованных Карлом Генрихом Людвигом Пёлитцем: *Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre.* – Leipzig, 1817 (изд. II: Leipzig 1830) [7], а жаль, тогда бы он сразу нашел ответ на некоторые из поставленных вопросов.

Владислав Пневский в изданной в 1933 году в Данциге памятной книге, посвященной Мронговиушу, выдвигает относительно первоисточника перевода следующую гипотезу:

«Под конец жизни он оставяет польскому народу как бы завещание в виде перевода наивысшей на то время людской мудрости – *Rozprawy filozoficznej o religii i moralności* Канта. Это перевод университетских записей Мронговиуша периода восьмидесятых годов XVIII века, соответствующих работе на немецком языке, под названием *Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral.* 1763 год. Но так как эта работа не совпадает в подходах с переводом и записками Мронговиуша, можно сказать, польская литература, благодаря Мронговиушу «передала [литературно] немецкой частицу духовного наследия великого философа» (Хмеловский) [8, с. 72].

Очевидная ошибочность информации, содержащейся в этой, можно сказать, панегирической заметке, требует комментария. Работа *Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral* (в действительности эта работа была написана раньше, в 1762 году, на конкурс, объявленный в 1761 году) не имеет ничего общего с лекциями, опубликованными Мронговиушем. Единственным обоснованием этой ошибочной гипотезы может служить видимое подобие названий обеих работ, которые объявляют о сопоставлении тематик религии и морали. Сейчас трудно установить, на основе чего Пневский в контексте проблемы генезиса перевода Мронговиуша привел работу, никак с ней не связанную.

На основании воспоминаний о Мронговиуше, опубликованных Михалом Богумилом Гломбой, пастором Марвалда, в 39 номере „*Evangelisches Gemeindeblatt*” за 1855 год, мы можем более точно установить дату издания *Rozprawy filozoficznej...*, которая должна была увидеть свет до 16 сентября 1854 года. Эти воспоминания содержат также небольшую цитату из письма Мронговиуша к Гломбе, а также информацию о том, что *Rozprawą filozoficzną...* вызвала интерес. Вот фрагмент публикации:

«Последним трудом нашего Мронговиуша, которым он желал послужить также польскоязычным теологам, является уже упоминавшаяся *Rozprawa filozoficzna* Канта, которая получила в Польше такое большое признание, что в своем последнем письме от 16 августа прошлого года, он сообщал мне, что из Варшавы потребовали сразу 400 экземпляров; закончил он предисловие следующими словами: «Прощаюсь с вами с радостным сердцем и благодарю Бога, что позволил мне на девяностом году моей жизни дожидаться окончания печатанья».

О значении, которое Мронговиуш придавал своему переводу, свидетельствуют и уведомления, опубликованные в прессе уже в 1853 году: «В проспекте за 1853 г. [Мронговиуш – Т.К.] объявил о намерении издания „важной философской работы о религии и морали знаменитого Канта, изложенной в лекциях перед академической молодежью и скопированной с записей, выполненных скорописью несколькими слушателями”».

3. Генезис и первоисточники перевода *Rozprawy filozoficznej o religii i moralności...*

Установить, какими рукописями и печатными текстами пользовался Мронговиуш во время работы над переводом *Rozprawy filozoficznej...*, удалось благодаря современным исследованиям источников, которые проводились в 1984 году профессором Вернером Старком из Университета им. Филиппа в Марбурге, а также профессором Мирославом Желязным из Университета Николая Коперника в Торуне.

Мронговиуш в своем предисловии к *Rozprawie filozoficznej...*, как и в проспектах, предвосхищающих это издание, однозначно указывает на первоисточник перевода: «лекции были некоторыми студентами на слух записаны» и «из таких скорописей составлена настоящая книжечка». Определенно, Мронговиуш мог пользоваться только теми рукописями, которые

имел в своих собственных архивах, или теми, которые были опубликованы до 1854 года.

Рукописи, которые находились в распоряжении Мронговиуша, были в 1864 году переданы Городской Библиотеке в Данциге. Их перечень находится в каталоге, составленном О. Гюнтером [9]. Согласно информации, опубликованной в каталоге, библиотека получила следующие рукописи: *Moral* (Ед.хр. 2213), *Metaphysik* (Ед.хр. 2214), *Rationaltheologie* (Ед.хр. 2216), *Anthropologie* (Ед.хр. 2217), а также том, содержащий *Theoretische Physik, Moral, Logik* (Ед.хр. 2218). Одна из описанных в этом каталоге рукописей не сохранилась до нашего времени. Том *Rationaltheologie* [9, с. 214] был украден из бронированного сейфа Gothaer Bibliothek во время подготовки Паулем Менцером издания лекций Канта по этике. Сохранившиеся до нашего времени рукописи находятся сейчас в библиотеке Польской Академии Наук в Гданьске [10].

Лекции по философии морали, которые Кант читал в середине семидесятых годов восемнадцатого столетия (предположительно, в 1774г. 1775г.), сохранились в общей сложности в тринадцати рукописях, одна из них, находящаяся в собраниях библиотеки ПАН в Гданьске (Ед.хр. 2213), была в 1979 году опубликована в 27 томе *Kants gesammelte Schriften* как *Moral Mrongovius*. Старательная надпись, виднеющаяся на рукописи *Moral Mrongovius*, гласит: „Des berühmten Werth. [С. С.] Mrongovius”. В конце видна дата: „1782 d. 11. Febr.” [9, с. 213], скорее всего, это дата окончания манускрипта. Манускрипты Мронговиуша только на первый взгляд напоминают записи современных студентов. Так называемые „*Kolleghefte*”, содержащие тщательную запись содержания лекций, часто возникали как результат сотрудничества группы студентов. Записи, стилистически обработанные, многократно копируемые, становились своего рода учебником.

Впервые лекции Канта по философии морали появились в печатном виде по инициативе Пауля Менцера в 1924 году. Менцер не сделал критической редакции издания, выполнил только компиляцию на основе трех манускриптов: Бауера (датированного 12 октября 1780 г.), Кутцнера (датированного 9 августа 1781 г.) и, наконец, Мронговиуша (датированного 11 февраля 1782 г.) [11, с. 282]. Третий из названных манускриптов, это хранящиеся в библиотеке Гданьска записи лекций, принадлежащие Мронговиушу (Ед.хр. 2213).

С полной уверенностью можно сказать, что Мронговиуш, работая над *Rozprawą filozoficzną...*, выполнил перевод обширных фрагментов двух текстов: находящейся в его распоряжении рукописи *Moral Mrongovius* и напечатанной Пёлитцем в 1817 году работы *Vorlesungen über die philosophische Religionslehre*. Перевод Мронговиуша необычайно точен по отношению к оригиналу. Мронговиуш не использует парафраз, но очень часто, чтобы точнее выразить смысл оригинала, решается на создание неологизмов («злорадство», «святость», «человеколюбие» и т.п.). Язык перевода, конечно, архаичный, содержит элементы мазурского диалекта, но по-прежнему остается понятным для современного читателя.

Критическое издание перевода Мронговиуша появилось впервые в двуязычной версии (польской и немецкой) в научном издательстве Университета Николая Коперника в Торуне: *Kantl. Rozprawa filozoficzna o religii i moralności. / Philosophische Abhandlung über Religion und Moral. / tłum. K. C. Mrongowiusz. – Toruń, 2006.*

Обширный биографический материал можно найти, прежде всего, в работе Веслава Беньковского: *Bieńkowski W. Celestyn Mrongowiusz 1764-1855. W służbie umiłowanego języka. – Olsztyn, 1983.* См. также: *Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855 / red. W. Pniewski – Gdańsk.* Биографические записки В. Беньковского кроме указанного издания опубликованы в: *Polski słownik biograficzny. – t. XXII. – Warszawa, 1977. – s. 190-195; Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy. – Wrocław, 1971. – s. 285-286; Słownik pracowników książki polskiej /red. I. Treichel. – Warszawa-Łódź, 1972. – s. 610.*

Erler G. Die Matrikel der Universität Königsberg i. Pr. – Bd. II. – Leipzig, 1911.

Относительно системы университетского образования в Кёнигсберге во времена Канта см.: *Żelazny M. Kantowska idea uniwersytetu. // Kant I. – Spór fakultetów. – Toruń, 2003.*

Этим планам помешал недоброжелательно настроенный к Мронговиушу Г. Е. Гродек (G. E. Grodek), влиятельная личность в просвещении того времени. См.: *Meżyński K. K. C. Mrongowiusz jako kandydat na profesora gramatyki powszechnej języków słowiańskich w Gimnazjum Krzemienieckim. (Nieznane listy Mrongowiusza do G. E. Gródka). // „Rocznik Gdański” – t. 21 (1962).*

Содержание письма в переводе на польский язык приводится по: *Bieńkowski W. Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855. цитир. изд. – s. 210-211. – Перевела на русский В. Виногорова:*

Наисветлейший, Милостивый Король!

Высокочитимый Монарх и Господин!

Семидесятилетний старец осмеливается с почтением приблизиться к трону Вашего Королевского Величества.

В несчастливом 1806 году было ему велено учить польскому языку наследника королевского престола во время пребывания последнего в Данциге. Это намерение по причине внезапной прискорбной смены обстоятельств осталось неисполненным. Тем не менее, оказанная ему честь послужила мощным стимулом посвятить себя студиям – считавшегося тогда важным – языка, которые могли бы его освоение облегчить.

Результатом этих усилий, кроме польской грамматики, стал немецко-польский словарь, изданный в 1823 году, экземпляр которого податель сего позволил себе послать С[ветлой] П[амяти] Королевскому Величеству, высылка второго, нового издания 1837 года, в свое время не была сделана по причине смерти, случившейся в его семье, поэтому он осмеливается возложить его к стопам своего Дорогого Отца Отечества.

Пусть ему будет дозволено при этой okazji возложить на отеческое сердце Вашего Наисветлейшего Величества святое дело болезненно притес-

няемого родного языка, особенно его польско-евангелистских соотечественников.

Со времени, когда новоназначенные члены регентского совета с чрезмерным запалом начали германизацию, делая упор на то, чтобы дети бедных польских сельчан никоим образом не учились польски, а только по-немецки – обычно без понимания того, что читают – и со времени, когда научение Десяти Заповедям Божьим, вере и Божьей молитве на родном языке было запрещено под угрозой наказания, вырастают полуязычники, право ничего о Боге и о его святом слове не знающие. Ведь если учителю слова Божьего трудно проникнуть в человеческое сердце даже при помощи родного языка, глубоко живущего в душе, то как же возможно направлять сердца к добру при помощи чужих, едва лишь на половину понятных звуков речи?

Эта гипотеза повторялась в ряде изданий: *Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy, цитир. изд. – с. 285; а также: Bieńkowski W. Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855, цитир. изд. – с. 32.* Беньковский приводит конкретные источники этой информации (там же, с. 169).

„Das letzte Werk unseres Mr., womit er namentlich auch den Theologen polnischer Zunge einen Dienst erweisen wollte, ist die schon oben erwähnte Schrift: *Rozprawa filozoficzna von Kant, weiche in Polen so viel Beifall fand, daß, wie er untern 16. August v. seinem letzten Schreiben hierher, mittheilt, nach Warschau auf einmal 400 Exempl. verlangt wurden; er schließt die Vorrede dazu mit den Worten: «Nun sage ich ein Lebewohl mit fröhlichem Herzen und danke Gott, daß er mir im 90. Lebensjahre noch die Vollendung des Druckes hat erleben lassen.» // „Evangelisches Gemeindeblatt” – 1855 – Nr 39 – S. 174.*

Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy, цитир. изд. – с. 285; см. Bieńkowski W. Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855, цитир. изд. – с. 32. Упомянутый проспект был приложен к письму Мронговиуша от 3 августа 1853, адресованного К.В. Войтицкому (*Wójcicki K. W. rkps, Biblioteka PAN Kraków, sygn. 717, k. 759*). См. также: *Nowa praca Mrongoviusa // „Czas” – 1853 – nr 266 – s. 2.* В газете помещен анонс следующего содержания: «В Гданьске девяностолетний старец Мронговиуш, который имеет столько заслуг перед нашим языкознанием, объявляет о возможности предоплаты за перевод важной работы о религии и морали, написанной знаменитым Кантом, изложенной в лекциях перед академической молодежью и скопированной с записей, выполненных скорописью несколькими слушателями». Заметка, кроме деталей предоплаты, содержит неполный перечень заголовков разделов заявленной работы. См. также: *Mrongovius [Krzysztof Celestyn]: Ogłoszenie literackie – Gdańsk, 1853 – Wedelska drukarnia nadworna 8° (cm 16,5 x 24) f. nb. 1* (Информацию привожу по: *Bieńkowski W. см. также, Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855, цитир. изд. – с. 216*).

В этом разделе излагаются факты, установленные проф. В. Старком и проф. М. Желязным и опубликованные в: *W. Stark, M. Żelazny, Zu Krzysztof Celestyn Mrongovius und seinen Kollegeheften nach Kants Vorlesungen, [w:] Neue Autographen und*

dokumente zu Kants Leben, Schriften und Vorlesungen (Kant-Forschungen), hrsg. Brandt R., Stark W. – Bd. 1 – 1987; а также: *Żelazny M.* Mrongowiusz jako wydawca wykładów Kanta // „Ruch Filozoficzny” – nr 3-4 – 1987.

Kants gesammelte Schriften. – Bd. XVIII. – Berlin, 1928. – S. 488. Копия потерянной работы *Rationaltheologie*, известная как *Danziger Rationaltheologie*, в 1972 году была опубликована в XXVIII томе Kants gesammelte Schriften. Определено, *Danziger Rationaltheologie* не являлась первоисточником *Rozprawy filozoficznej*...

Отредактированное издание рукописи, хранящейся в библиотеке ПАН в Гданьске (Ms. 2213) опубликовано в: Kants gesammelte Schriften. – Bd. XXVII. – Berlin, 1979.

Сохранившийся в библиотеке ПАН в Гданьске экземпляр Immanuel Kant's Vorlesungen über die philosophische Religionslehre в редакции Пёлитца не содержит, к сожалению, никаких следов пользования и, видимо, Мронговиушу не принадлежал. Собрание книг Мронговиуша в 1855 году было куплено графом Адамом Замойским из Лопатына возле Бродов в Галиции, но никогда не было вывезено, и

T. Kupsh

PERŞE VIDANNIA LEKCIJ IMMANUŁA KANTA O MORALI I RELIĢII W POLSKOMU PEREKŁADZIE KŞIŞTOFA SELESTINA MRONGOWIUŞA

В статті досліджується перше видання лекцій І. Канта о моралі і релігії в польському перекладі Кшиштофа Селестина Мронговиуша.

T. Kupsh

THE FIRST EDITION OF IMMANUEL KANT'S LECTURES ON MORALITY AND RELIGION IN POLISH EDITION BY KRZYSZTOF CELESTYN MRONGOWIUSZ

The article researches the First Edition of Immanuel Kant's Lectures on Morality and Religion in Polish Edition by Krzysztof Celestyn Mrongowiusz.

УДК 001:891

И.И. Мочалов

БАЗИСНАЯ АКСИОМА НАУКИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН

Важный мировоззренческий и методологический смысл несет сформулированная В.И. Вернадским базисная аксиома науки, которая вполне актуальна и находится в центре дискуссий современной философии науки.

Введение

Научная работа, отмечал В.И. Вернадский, опирается на обязательное для всякого ученого «аксиоматическое представление – *понятиереальности мира*» [1]. Эту мысль Вернадский подчеркивает неоднократно в ряде своих работ. Под «аксиомой реальности» он понимает признание всяким исследователем *существующего* мира, – как мира внешне-го, объективного, что на философском языке принято нередко называть «материей», так и мира внутренне-го, субъективного, что обычно обозначается философами термином «сознание».

Оба мира задают, и будут задавать науке, каждый по-своему, весьма непростые вопросы. Но это отнюдь не повод и не причина для того, чтобы ученый мог безнаказанно для себя вообще отказываться от *понятия реальности* как таковой. Последствия столь опрометчивого шага для науки и самого ученого могут оказаться очень нежелатель-

ными. Размышления Владимира Ивановича в этом контексте весьма поучительны.

Список литературы

1. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft, Akademie-Textausgabe. – Berlin, 1968. – Bd. 5. – S. 10.
2. Mrongovius Chr. Cđ.Dokładny słownik polsko-niemiecki krytycznie wypracowany. Ausfuertliches polnisch-deutsches Wörterbuch kritisch erab. von Christoph Cölestin Mrongovius. – Koenigsberg in Preussen, 1835. – S. VI.
3. См. *Wojtkowski A.K.* C. Mrongowiusz (1764-1855) // „Zapiski Historyczne” – 1955 – t. 21 – z. 3/4 .
4. Rozprawa filozoficzna o religii i moralności miana przez Immanuela Kanta a na język polski przelożona przez Mrongowiusa, Kaznodzieję przy Kościele Św. Anny, i Kawalera Orderu Orła Czerwonego IV. Klasy. – Gdańsk, 1854.
5. Chmielowski P. Kant w Polsce // „Przegląd Filozoficzny” – 1904 – zeszyt 3 – s. 382-383.
6. См. также: *Żelazny M.* Referat Piotra Chmielowskiego „Najdawniejsze wiadomości o E. Kancie w piśmiennictwie naszym” // „Ruch Filozoficzny” – 2005 – nr 1.
7. Kant I. Vorlesungen über die philosophische Religionslehre. – Leipzig, 1817 (wyd. II: Leipzig 1830).
8. Krzysztof Celestyn Mrongowiusz 1764-1855 / red. W. Pniewski – Gdańsk.Towarzystwo Przyjaciół Nauki i Sztuki, 1933.
9. Günter O. Katalog der Handschriften der Danziger Stadtbibliothek – Teil 3 – Danzig, 1909.
10. Gryzio B. Kantiana w Bibliotece Gdańskiej PAN // „Libri Gedanenses” – XVII/XVII – Gdańsk, 2001.
11. Menzer P. Einleitung (1924) // Kant I. Eine Vorlesung über Ethik. – Frankfurt am Main, 1990. – S. 282 nn.

ными. Размышления Владимира Ивановича в этом контексте весьма поучительны.

«В основе всей научной работы, – пишет он, – лежит единое аксиоматическое положение о *реальности предмета изучения науки – о реальности мира... Только при признании этого положения возможна и приемлема для человека научная работа. Эта аксиома признается всяким научным исследователем.*

Ученый бросает научную работу и она теряет для него значение, когда для него *является сомнение в этом аксиоматическом положении*. В истории науки нередко наблюдается такое сомнение под влиянием глубоких религиозных или философских переживаний, связанных с *отрицанием ценности или реальности мира*. Особенно религиозное самоуглубление – в таком аспекте – вызывало прекращение этой работы. Мы видим это в многочисленных примерах первоклассных научных деятелей, *оставивших нау-*